

5. Философский век. Альманах. Вып.17. История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр Истории Идей, 2001. – 369 с.

6. Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 2 (66). – С. 17 – 47.

7. *Febvre Lucien. The Problem of Unbelief in the Sixteenth Century: The Religion of Rabelais / Trans. by Beatrice Gottleib. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1982.*

§ 3. Методология истории идей в контексте неклассической теории познания

История идей как методология гуманитарного познания насчитывает полувековую историю, она изначально была изложена А. Лавджоем в его работе «Великая цепь бытия: История идей», в 30-е годы XX в. (5). В отличие от истории философии и истории наук, история идей анализирует не разнообразные философские и научные системы, теории, взгляды в их исторической последовательности, а мыслительные единицы философских и научных построений, которые наподобие сложных химических веществ, отличающихся от элементов их составляющих, представляют собой различное сочетание элементов тех или иных доктрин, которые, «будучи представлены в различных логических комбинациях, не всегда легко узнаваемы» (там же, с. 9).

В контексте методологии истории идей различные философские системы и научные теории «оригинальны и отличны от других не столько своими элементами, сколько их сочетаниями» (там же), а кажущаяся новизна многих систем достигается «исключительно за счет новых сфер и приложения и новой аранжировки составляющих их элементов» (там же).

Основными принципами выделения основных идей, ментальных единиц философского и научного познания, с точки зрения Лавджоя, являются общекультурный уровень анализа (выход за рамки общепринятого деления по национальному или языковому принципу); межнациональный –

исследование явлений не только первого, но и второго ряда, составляющих интеллектуальный контекст эпохи; междисциплинарный подход (использование материала всех сфер познания); выявление бессознательных ментальных привычек, способа мышления или интеллектуальных предпочтений. Благодаря этому, история идей направлена не на разделение, а на объединение исследователей, изучающих традиции и тенденции интеллектуальных процессов.

История идей как методология философского познания, с точки зрения Р. Рорти, направлена на преодоление односторонности аналитических, исторических, доксографических подходов к пониманию интеллектуальной истории (12). Сущность аналитического подхода состоит в том, что его представители пытаются осуществить «рациональные реконструкции аргументов великих философов прошлого, надеясь сделать этих философов своими современниками, коллегами, с которыми они могли бы обмениваться взглядами» (там же, с.1).

Исторический метод позволяет осуществить историческую реконструкцию мотивации взглядов, языка различных философов в контексте исторической ситуации и культуры. При этом, без внимания остается проблема, «как отделить историю философии от истории мысли или культуры» (там же, с. 7). Результатом таких подходов становится доксографическое, последовательное, линейное описание различных взглядов, при которых большинство историков философии пытаются «рассказать историю философии от досократиков до наших дней, заранее зная, как будут называться главы из книг» (там же, с. 11). Однако история философии не должна представлять собой попытку написания книг, «начинающихся с Фалеса и кончающихся, скажем, Витгенштейном» (там же, с. 14).

Такой подход, с точки зрения Рорти, должен «сойти со сцены» и уступить место исследованию интеллектуальной истории, истории идей, что позволит преодолеть различие между великими и не столь великими

философами прошлого, между «четкими и пограничными случаями «философии», между философией, литературой, политикой, религией и социальной наукой...» (там же, с .18).

Таким образом, история идей как методология не только гуманитарного, но и научного познания в целом, представляет собой неклассический подход к пониманию истории философии и истории науки. Классическая, традиционная теория познания рассматривала историю философии и науки как линейный, последовательный, кумулятивный переход от одних теорий к другим, при котором различные школы и течения, разнообразные «измы» противопоставлялись друг другу, а философы «подтягивались» к тем или иным направлениям.

История идей как методология познания представляет собой неклассический, топологический подход к пониманию развития философского и научного знания. История идей в ней рассматривается как различное сочетание основных мыслительных единиц, элементов, метафизических архетипов, матриц, вечных тем.

Такой подход к пониманию истории философского и научного познания не сводится только к рациональной, исторической реконструкции аргументов мыслителей прошлого в контексте исторических ситуаций и культур, к исследованию истории духа, отделяющей историю мысли от истории философии. История идей как интеллектуальная история предполагает синтез таких подходов, «диалог, взаимодействие когнитивных практик» (7, с.8), в результате которого выявляются не философские системы и личности, а основные, глобальные, вечные темы и проблемы, которые специфическим образом представлены в различных формах познания – мифе, религии, философии, науке, искусстве, художественном творчестве.

История идей в таком понимании является не только философским обоснованием разнообразных форм познания (например, литературы), но и, наоборот, позволяет углублять, развивать и обогащать само философское знание. Особенно наглядно и плодотворно эту методологическую

взаимосвязь можно проследить на примерах мировоззренческого анализа произведений таких великих писателей, как Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого (4,8,13,15).

Так, в творчестве Л. Н. Толстого представлены «не только художественные и публицистические произведения, но и философская система» (8, с. 117). Ее фундаментальными основаниями являются такие категории, как «природа», «народ», «жизнь и смерть», «живое и мертвое», «любовь и страсть», на которых «воздвигается все здание русского мировоззрения и русского самосознания, какими их видит автор «Войны и мира» (там же).

В центре внимания Л. Н. Толстого находятся проблемы взаимосвязи природного и социального («Казачьи»), жизни и смерти, противопоставления естественной и искусственной жизни («Севастопольские рассказы»), жизнеутверждающей силы любви и деструктивной, смертоносной сущности страсти («Анна Каренина»), преступления, наказания и духовного искупления («Воскресение»).

Особую роль и значение имеют историософские воззрения Л. Н. Толстого, представленные в романе «Война и мир». Здесь имеет место не только анализ в художественной форме таких философских понятий, как историческое событие; историческая необходимость; движущие силы; роль народа и личности в истории; индивидуальная свобода, но и такие понятия, которые, не являясь, по существу, философскими, требуют своего признания, изучения и возведения в статус глобальных, метафизических понятий.

К таким категориям, понятиям-образам относятся – «разумное историческое целеполагание»; соединение личной и «роевой жизни» как неизбежное исполнение предписанных законов; «исторического дифференциала» как элементарных, одинаковых для всех устремлений, мотивационных составляющих. Наличие таких понятий в творчестве Толстого позволяет сделать вывод, что в данном случае «раздвоение писателя на «художника» и «философа» заслоняется Толстым-мыслителем,

для которого литературное творчество и философствование едины» (13, с.136). Больше того, в своих пояснениях к «Войне и миру» Толстой, говоря о специфике этого произведения, пишет, что «это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника» (15, с. 382), ибо, по его мнению, «начиная от «Мертвых душ» Гоголя и до «Мертвого дома» Достоевского, в новом периоде русской литературы «нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести» (там же, с. 383).

Особый философский смысл и значение имеют прямые и непосредственные историософские размышления Толстого, в которых он пишет, что предмет истории есть жизнь народов и человечества, но «непосредственно уловить и обнять словом – описать жизнь не только человечества, но одного народа, представляется невозможным» (там же, с. 331). Этим определяется, по его мнению, отличие художника от историка в понимании и изображении происходящих событий. Историк обязан подводить все действия исторических лиц под одну идею, тогда как «художник, напротив, в самой одиночности этой идеи видит несообразность с своей задачей и старается только понять и показать не известного деятеля, а человека» (там же, с. 385).

История идей как методология философского и научного познания интересна и нетрадиционна тем, что она признает и анализирует амбивалентность идей не только различных философских, научных систем и теорий, но и их позитивную роль и значение. При этом, признается не только наличие, но и необходимость антиномичности взглядов одного и того философа, которая выводит за «пределы его философской системы и если не прямо, то косвенно ставит вопрос не должны ли философы покончить с системосозиданием, не является ли всякая замкнутая на самое себя система оковами для философии?» (9, с. 137).

В этом плане большой интерес представляют работы Т. И. Ойзермана, посвященные анализу амбивалентности философских систем И. Канта и

Г.В.Ф. Гегеля (9, 10, 11). В своих работах автор, с одной стороны, показывает кричащую амбивалентность кантовского учения о вещи в себе, познаваемости мира, метафизики нравственности, свободы воли и других проблем. С другой – утверждает, что «чем более содержательным, новаторским является то или иное философское учение, тем более оно противоречиво, амбивалентно, апористично, несмотря на стремление его создателя и его последователей согласовать все положения этого учения, исключить какую бы то ни было рассогласованность» (9, с. 128).

Свидетельством глубочайшей содержательности таких противоречий является и философия Гегеля, амбивалентность его взглядов на сущность пантеизма; соотношения философии и религии; философии истории и философии права; историко-философского учения, а также исходного понятия его философии – абсолютной идеи, которую он определяет как «единство бесконечного и конечного, непосредственного и опосредованного, всеобщего и единичного, подчеркивая коррелятивный характер этих отношений» (там же, с. 135).

Такая амбивалентность, многозначность, многоаспектность великих философских систем делает их избыточными, т.е. закладывающими многообразие подходов к трактовке основных философских идей и проблем. Этим объясняется тот факт, что разные философские направления берут за основу тот или иной аспект анализируемой проблемы, очень часто противопоставляя и абсолютизируя их. Однако со временем оказывается, что разнообразные подходы того или иного философа к анализу одной и той же проблемы являлись не заблуждением, не отступлением от исходной точки зрения, а ее дополнением, обогащением, углублением.

Яркими примерами такой избыточности является учение Платона об идеях, которые в его философии имели несколько значений – идея вещи как смысл, целостность всех ее отдельных частей и проявлений; закон для возникновения и получения единичных проявлений вещи, ее понятийная невещественность; и, наконец, идея как идеальная субстанция, прообраз

вещи. В результате такой «избыточности», всесторонности учения Платона об идее как о принципе осмысления вещей, их общей целостности, являющейся законом их отдельных проявлений, по утверждению А. Ф. Лосева, «осталось в науке навсегда, и от этого всемирно-исторического платонизма никакая философия не может и не должна отказаться» (6, с. 92).

Такой избыточностью идей, роль и значение которых осознавалась гораздо позднее их появления, а значимость некоторых из них начинает осознаваться лишь сегодня, обладали научные теории и философские системы Ньютона, Декарта, Лейбница, Канта, Гегеля. Так, по утверждению, К. Р. Вестфалю, «к сожалению, философские результаты кантовской «Критики», по-видимому, даже к нашему времени еще не внедрены в философское сознание» (3, с. 161), так как для того, чтобы понять, оценить и определить роль кантовской «Критики», необходимо изменить образ мыслей, который является еще «глубоко картезианским» (там же, с. 162).

Неожиданным образом избыточность великих философских систем находит свое подтверждение в современных неклассических теориях и учениях. Так, идея Платона о «знании как припоминании», теория врожденности, априорности идей Декарта, Лейбница, Канта находят свое подтверждение в современной эволюционной эпистемологии. А категориальная сетка описания развивающихся систем Гегеля долгое время, по утверждению В. С. Степина, «оставалась избыточной и лишь в наше время, с развитием синергетики и теории развивающихся систем, обнаруживается изоморфизм содержания ключевых гегелевских категорий и понятийного каркаса описания процессов самоорганизации» (14, с. 73).

Избыточной сегодня признается и такая, казалось бы, сугубо классическая теория, как механика Ньютона. Однако, по утверждению В. И. Арнольда, «топологические рассуждения Ньютона обогнали уровень науки во времени на пару сотен лет» (1, с. 63). Поражающей избыточностью обладали взгляды и деятельность М. В. Ломоносова, изучение научного наследия и философствования которого далеки от завершенности.

Энциклопедическое наследие Ломоносова, по утверждению Т. В. Артемьевой, «может стать объектом исследования ученых разных специальностей, как и вектор изучения его деятельности может быть направлен на множество интересных тем в истории философии и истории идей...» (2, с.125).

Таким образом, история идей как неклассическая методология философского и научного познания является весьма плодотворной, не сводящей историю философии и науки к простому прогрессивному накоплению знания. Она рассматривает интеллектуальную историю духовного развития человечества как различную взаимосвязь таких основных ментальных, архетипических единиц, как бытие и небытие; материальное и идеальное; конечное и бесконечное; прерывное и непрерывное; абсолютное и относительное; необходимое и случайное; порядок и хаос и др. При этом, позитивная амбивалентность и избыточность идей философских и научных систем и теорий имела место на самых ранних этапах их развития, различным образом аранжируясь и сочетаясь на последующих этапах их развития.

Великие амбивалентные, избыточные философские и научные системы, теории и идеи Платона, Аристотеля, Декарта, Лейбница, Ньютона, Канта, Г. Гегеля, Эйнштейна и других великих мыслителей, как бы, забрасывали когнитивную «сеть» в будущее, а роль и значение высказанных им идей начинала и начинает осознаваться спустя столетия и даже тысячелетия. В таком подходе к пониманию истории духовного развития человечества видится роль и значение истории идей как неклассической методологии познания, которая анализирует историю человеческой мысли не по линейно-временному, региональному, национальному признаку или принадлежности к тому или иному «изму», а рассматривает ее топологически, многовекторно, темпорально.

Литература

1. Арнольд В. И. Гюйгенс и Барроу, Ньютон и Гук: Первые книги математического анализа и теории катастроф, от эвольвент до квазикристаллов. – М.: Наука, 1989.
2. Артемьева Т. В. Нехлебная наука философия. К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова (1711 – 1765) // Вопросы философии. – 2011. – № 11. – С. 117 – 126.
3. Вестфаль К. Р. «Критика чистого разума» Канта и аналитическая философия // Вопросы философии. – 2011. – № 7. – С. 148 – 165.
4. Достоевский в философском контексте. Материалы конференции // Вопросы философии. – 2011. – № 4. – С. 96 – 142.
5. Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи // Пер. с англ. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с.
6. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. – М.: Молодая гвардия, 1993. – 383 с.
7. Микешина Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2010. – 575 с.
8. Никольский С. П. Смыслы и ценности русского мировоззрения в творчестве Л. Н. Толстого // Вопросы философии. – 2010. – № 9. – С. 117 – 134.
9. Ойзерман Т. И. Амбивалентность великих философских учений (К характеристике философских систем Канта и Гегеля) // Вопросы философии. – 2007. – № 10. – С. 121 – 137.
10. Ойзерман Т. И. Кант и Гегеля как исторические личности // Вопросы философии. – 2006. – № 11. – С. 140 – 154.
11. Ойзерман Т. И. Кант и Гегель. Опыт сравнительного исследования. – М.: Канон +, 2008. – 518 с.
12. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // [http:// www.philosophy.ru](http://www.philosophy.ru)
13. Сиземская И.Н. Л. Н. Толстой об исторической необходимости как «равнодействующей множества волей» // Вопросы философии. – 2010. – № 9. – С. 135 – 142.
14. Степин В. С. Наука и философия // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 58 – 75.
15. Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20 т. Т. 7. – М.: Госуд. изд-во художест. литературы, 1963. – 494 с.